

Россия в Европейском Суде: 2012-й – год «большого перелома»

Ковлер

Анатолий Иванович

судья ЕСПЧ (1999–2012 гг.),

доктор юридических наук, профессор

Подведение итогов деятельности Европейского Суда по правам человека за год – непростая задача: помимо анализа судебной статистики (не всегда точной, ибо составляется на основе разных критериев) и установления проявившихся тенденций, нередко весьма зыбких, приходится прибегать к сравнительному методу и брать на себя смелость прогнозирования. И все же погружение в эту материю дает основания утверждать: минувший год был особенным, и наметившиеся в прошлом году тенденции получили свое подтверждение в виде качественного перелома.

Динамика статистики

Статистика свидетельствует о некоторых глубинных подвижках.

Так, резко (почти на четверть) уменьшилось за 10 месяцев число нерассмотренных российских жалоб с 40 тыс. (40250) до 30 тыс. (30100) в результате действия новых процедур, введенных Протоколом № 14 (единоличный судья, комитет трех судей и т.д.), и работы группы 20-ти российских юристов (*для сравнения*: по Турции – рост на 7,2 процентов, по Италии – на 2,9 процентов, по Сербии взрывной рост на 43 процента). По моим подсчетам, на начало 2013 г. будут ждать своей очереди около 25 тыс. российских жалоб, что делает показатель снижения еще более впечатляющим (порядка 32 процентов).

Ровно наполовину (с 20823 до 10324) стало меньше жалоб, ожидающих своего рассмотрения более трех лет.

Соответственно, уменьшилась доля России в «страсбургском пироге» (общем числе жалоб) с 28,5 до 22,2 процентов (*для сравнения*: Турция – 12,6 процентов, Италия – 10,5 процентов, Румыния – 7,9 процентов, Украина – 7,6 процентов).

Уменьшилось также число жалоб, по которым вынесены постановления: 575 (216 постановлений) в 2009 г., 430 (217) в – 2010 г., 199 (127) – в 2011 г., 156 (130) – в 2012 г. Наконец, и это, пожалуй, самый впечатляющий показатель, уменьшилось количество поступивших жалоб (с 15 926 в 2011 г. до 11 574 в 2012 г.).

Данные статистические сведения требуют, тем не менее, необходимых комментариев.

Во-первых, уменьшение прежде нараставшего как снежный ком числа нерассмотренных российских жалоб, как уже отмечалось, стало прямым следствием вступления в силу два года назад Протокола № 14, что позволило ускорить обработку жалоб; двадцатка новых юристов действительно оказывает неоценимую (и неоцененную) помощь Суду, берясь как за «залежавшиеся», так и за только что поступившие жалобы, сортируя их под руководством опытных юристов и единоличных судей по признакам неприемлемости. При этом признание жалобы неприемлемой не является самоцелью, как утверждают некоторые обиженные заявители и адвокаты: малейшее сомнение

толкуется в пользу передачи жалобы на рассмотрение по существу (каждая десятая жалоба, что соответствует общей картине по всем странам). В связи с этим следует упомянуть о том, что после двухлетнего эксперимента с 1 июня 2012 г. заработала новая норма ст. 35 Конвенции: «Суд объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу <...>, если он сочтет, что ... b) заявитель не понес значительного ущерба» (ст. 35 подп. 3b), уточним – как материального, так и морального, и если дело было надлежащим образом рассмотрено национальными судами. Пока российских дел этой категории немного, но новый критерий дает возможность более строго подходить к наводняющим Суд жалобам по нередко мелким бытовым проблемам.

Во-вторых, уменьшение доли России в общем числе находящихся в производстве жалоб происходит на фоне общего сокращения рассмотренных Судом жалоб: если на момент долгожданной ратификации Протокола № 14 Россией их было около 160 000, то на 3 января 2013 г. – «всего» 128 100 (еще один запоздалый аргумент в пользу Протокола № 14).

В-третьих, уменьшение числа жалоб, по которым вынесены постановления, объясняется прежде всего тем, что после принятия в 2009 г. пилотного постановления по делу «Бурдов № 2» и введения в действие Закона 2010 г. о компенсации за неисполнение судебных решений и судебную волокиту число жалоб этой категории резко упало (с 40 до 7 процентов в общем числе российских жалоб). Кроме того, дает свои результаты достойная всяческих похвал (а в Суде не скупаются на похвалы) позиция российских властей, прежде всего Министерства юстиции и, конечно, Министерства финансов, по заклю-

чению мировых соглашений с заявителями, направившими в Страсбург свои жалобы на неисполнение. Да и национальные суды, судя по статистике Верховного Суда и Судебного департамента, достаточно энергично начали применять новый Закон (более 50% удовлетворенных исков). Все это потенциально снижает интенсивность некогда мощного потока жалоб на неисполнение судебных решений по денежным обязательствам государства.

Общая характеристика жалоб

Эта довольно благостная картина статистических показателей контрастирует с сущностными характеристиками российских жалоб. Здесь также можно отметить очевидное возрастание доли жалоб на нарушение так называемых абсолютных прав: права на жизнь, права не подвергаться пыткам и бесчеловечному обращению, право на свободу и личную неприкосновенность и как сопутствующее их сопровождение – неэффективность расследования этих нарушений. По этим показателям Россия является бесспорным лидером, оставляя позади Турцию, Польшу, Украину.

Вынеся по некоторым проблемам по несколько десятков постановлений, Суд в точном соответствии с рекомендациями Комитета Министров Совета Европы квалифицировал их как системные и применил, как и по проблеме неисполнения судебных решений, процедуру «пилотного постановления», указав на необходимость устранения системного сбоя в правовой системе как источника повторяющихся нарушений. Так, было вынесено пилотное постановление по делу «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others v. Russia*, no. 42525/07; 60800/08; 10 января 2012 г.) по условиям содержания в российских СИЗО. Направлено

несколько коммуникаций властям Российской Федерации по делам, отражающим такие системные проблемы, как пытки и жестокое обращение с лицами, задержанными по подозрению в совершении преступлений со стороны сотрудников милиции/полиции и неэффективность расследования этих фактов (ст. 3 Конвенции); злоупотребление арестами и содержанием под стражей как мерой пресечения (ст. 5); неисполнение натуральных (неденежных) обязательств государства (ст. 6 и ст. 1 Протокола № 1); сохранение дефектов системы обжалования судебных решений после их вступления в законную силу (надзор), приводящих к нарушению принципа правовой определенности. Этот список далеко не исчерпывающий, так как продолжают поступать многочисленные жалобы на качество медицинской помощи в СИЗО и исправительных учреждениях, на осуждение за сбыт наркотиков исключительно на основании доказательств, полученных в результате «контрольной закупки»; на невозможность отбывающих наказание участвовать лично в рассмотрении судами их гражданских исков; на неэффективность следственных действий по установлению обстоятельств похищения людей на Северном Кавказе, а в последние два года – и похищений находящихся в России узбекских и таджикских оппозиционеров и религиозных активистов.

Особенностью 2012 г. стало объединение нескольких (иногда нескольких десятков) жалоб в одно производство и вынесение по ним пред-пилотного постановления, например по делу «Илюшкин и 20 других» по неисполнению судебных решений о выделении жилья увольняющимся в запас военнослужащим (*Ilyushkin e.a. v. Russia*, no. 5734/08 ... 1119/10; 17.4.2012) или по делу «Веселов и другие» (*Veselov*

and Others v. Russia, no. 23200/10 ... 556/10; 2.10.2012), осужденных за сбыт наркотиков только на основании доказательств, полученных в результате «контрольной закупки».

Таким образом, накопив определенный опыт рассмотрения повторяющихся по проблематике жалоб, Суд взял курс на «крупные формы» постановлений. Эта практика распространяется на страны, откуда идет поток подобных жалоб.

Пилотные постановления

Пилотное постановление по делу «Ананьев и другие против России», касающееся условий содержания в переполненных российских СИЗО, назревало давно: к моменту его принятия Суд вынес уже 90 постановлений (все они перечислены в Приложении к Постановлению) по этой проблеме, а поток жалоб не ослабевал, а, напротив, нарастал (около 250 жалоб ждут своего рассмотрения).

Заявителями по жалобам были российские граждане Сергей Ананьев, Геннадий Баширов и Гюльнара Баширова, которые в период с 2005 по 2008 гг. содержались в СИЗО в ходе уголовных процессов над ними. Так, в 2007 г. Ананьев провел почти два месяца в пятнадцатиметровой камере смоленского СИЗО. Камера была рассчитана на 13 человек, но фактически в ней содержалось до 20 заключенных. Г-н Баширов и г-жа Баширова содержались в разных камерах астраханского СИЗО и утверждали, что все они были переполнены. Власти отрицали перенаселенность камер. Заявители представили выдержки из четырех ежегодных докладов Уполномоченного по правам человека Астраханской области, из которых следовало, что все СИЗО в области были постоянно переполнены, а официальный лимит наполняемости был чрезмерно превышен. Заявители утверждали, что российские власти нарушили статьи 3 и 13 Европейской Конвенции в связи с тем, что их содержали в переполненных камерах, и они не могли добиться ни улучшения условий содержания, ни адекватной компенсации. Российские власти утверждали, что заявители не задействовали все доступные национальные средства защиты, поскольку не обращались с жалобами ни в суд, ни в прокуратуру.

Суд подробно изучил, могут ли заключенные, которые содержатся

в бесчеловечных условиях, эффективно обжаловать условия своего содержания начальнику СИЗО, надзирающему прокурору, уполномоченному по правам человека или в суд общей юрисдикции, а также возможна ли успешная подача иска о компенсации, и пришел к выводу, что в настоящее время в российской правовой системе отсутствуют реальные средства защиты, которые могли бы предотвратить нарушение права на защиту от бесчеловечного обращения или обеспечить достаточную компенсацию, если такое нарушение уже произошло. Суд отклонил возражение властей и пришел к выводу о нарушении ст. 13 Конвенции «Право на эффективное средство правовой защиты».

Суд установил, что г-н Ананьев и г-н Баширов содержались в камерах, где на человека приходилось менее двух квадратных метров пространства, а количество заключенных превышало количество спальных мест. Они находились в условиях скученности постоянно, за исключением ежедневной часовой прогулки. Кроме того, они принимали пищу в непосредственной близости от ничем не отгороженного туалета. Такие условия, по мнению Суда, нарушили гарантию на защиту от бесчеловечного обращения, закрепленную в ст. 3 Конвенции.

Что касается мер по исполнению постановления (ст. 46), то проанализировав более девяносто решений по вопросу бесчеловечных условий содержания в российских СИЗО, которые Суд принял с 2002 г., когда эта жалоба впервые была поднята в Постановлении по делу г-на Калашникова, Суд заключил, что проблема бесчеловечных условий содержания в российских СИЗО имеет структурную природу. Хотя нарушения происходят в разных регионах, условия содержания похожи: заключенные страдают от бесчеловечного и унижающего достоинство обращения из-за острой нехватки пространства

и спальных мест в СИЗО, ограниченного поступления дневного света и свежего воздуха в камеру и невозможности уединиться при пользовании туалетом. Проблема возникает в результате плохого функционирования российской пенитенциарной системы и недостаточных правовых и административных гарантий от злоупотреблений, причем российские власти признают значимость и насущность проблемы.

Учитывая сложность проблемы, Суд не стал, в отличие от пилотного постановления в деле «Бурдов № 2», предписывать конкретные меры. Прежде всего Суд указал, что необходимо спланировать и воплотить в жизнь некоторые меры для улучшения материальных условий содержания, которые не требуют особых затрат времени или финансов (например, повесить шторы или поставить стенки вокруг туалетов, убрать плотную сетку на окнах, которая загораживает доступ к дневному свету, и увеличить количество банных дней). Российским властям надлежит разработать комплексный подход к решению проблемы перенаселенности СИЗО, который включал бы изменения в правовой системе, инструкциях для должностных лиц и персонала СИЗО.

Суд далее отметил, что основной причиной перенаселенности следственных изоляторов является чрезмерно частое использование заключения под стражу в качестве меры пресечения и чрезмерная длительность содержания под стражей. На основании статистических данных Судебного департамента об удовлетворении российскими судами ходатайств о заключении под стражу Суд отметил, что в процентном отношении их количество необычайно высоко (более 90, а по продлению – 98 процентов), и напомнил, что ранее

он уже находил нарушение права на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда (ст. 5 п. 3 Европейской Конвенции) более чем в восьмидесяти жалобах против России, в которых российские суды продлевали содержание под стражей, ссылаясь в основном на тяжесть обвинения и используя одни и те же стандартные формулировки. Суд отметил, что необоснованно широкое применение заключения под стражу является структурной проблемой в России. Суд указал на необходимость решения этой проблемы, что должно, в свою очередь, привести к уменьшению количества заключенных в СИЗО.

С учетом времени, которое потребуется для введения в действие этих изменений, Суд рекомендовал ряд временных мер, которые включают в себя дополнительные правовые гарантии для предотвращения перенаселенности и ее уменьшения. В частности, необходимо закрепить максимальный лимит наполняемости для каждого СИЗО, который будет не ниже российской нормы в четыре кв. м на человека, и периодически пересматривать его. Начальник СИЗО должен быть наделен правом отказываться принимать заключенных, если это приведет к превышению лимита. Прокуроры должны держать на контроле дела тех заключенных, в отношении которых мера пресечения в виде содержания под стражей может быть досрочно отменена.

Наконец, согласно Постановлению, российские власти должны создать эффективные правовые средства для предотвращения дальнейших нарушений и выплаты компенсаций. Во-первых, у заключенных должна быть возможность быстрого и эффективного рассмотрения их жалоб на бесчеловечные условия содержания. Жалоба может быть подана или

надзирающему прокурору, который в этом случае должен выслушать заключенного и дать ему возможность прокомментировать ответ начальника тюрьмы на его жалобу, или в суд общей юрисдикции в порядке применения главы 25 Гражданского процессуального кодекса. Если суд признает незаконными те или иные аспекты содержания под стражей, у заключенного должна быть возможность получить компенсацию. Кроме того, исполнение решений Суда должно быть обеспечено.

Суд признал, что предлагаемое автоматическое сокращение в приговоре длительности сроков наказания в связи с тяжелыми условиями содержания в СИЗО не будет являться эффективным компенсационным средством постольку, поскольку автоматизм исключает возможность индивидуализированной оценки. Вместо этого каждый, кто содержался в бесчеловечных условиях, должен иметь право на денежную компенсацию. При этом бывший заключенный не обязан доказывать вину конкретных должностных лиц, и отсутствие финансирования не может рассматриваться как обстоятельство, освобождающее власти от ответственности или уменьшающее сумму компенсации. Размер компенсации должен быть соизмерим с суммами, которые Европейский Суд присуждает по аналогичным делам.

Суд постановил, что в течение шести месяцев после вступления Постановления в силу российские власти должны будут выработать, с участием Комитета министров, обязательный к исполнению временный график введения в действие эффективных средств правовой защиты, которые способны обеспечить предотвращение нарушения и выплату компенсации. Рассмотрение аналогичных дел не будет приостановлено.

Постановление по делу «Ананьев и другие» вступило в силу 10 апреля 2012 г., так как не было обжаловано сторонами, что само по себе показательно. Более того, власти Российской Федерации вполне конструктивно и оперативно представили в определенные Судом сроки план действий по исполнению этого пилотного постановления, получивший одобрение Комитета министров Совета Европы. План предусматривает обеспечение более взвешенного подхода к избранию и продлению меры пресечения в виде заключения под стражу, меры по усилению судебных средств правовой защиты в свете главы 25 ГПК РФ и компенсаторных средств (ст. 16, 151, 1069, 1100 ГК РФ), меры по совершенствованию несудебных средств правовой защиты (прокурорский надзор, ведомственный контроль, взаимодействие с институтами гражданского общества), но прежде всего подробный план действий (с указанием исполнителей и сроков) по созданию надлежащих, отвечающих международным стандартам, условий содержания под стражей. Кроме того, предполагается организовать проведение ФСИН с участием международных экспертов 18-ти проверок организации деятельности исправительных учреждений с выездами в территориальные органы.

Суд также постановил возместить ущерб всем пострадавшим от бесчеловечных или унижающих достоинство условий содержания в российских СИЗО в течение двенадцати месяцев с момента вступления в силу постановления (если жалоба уже была доведена до сведения российских властей) или с даты доведения жалобы до их сведения (коммуникации по новым делам). Напомним, что подобное предписание содержится во всех «пилотных постановлениях» Суда, когда

«замораживаются» клоновые жалобы и властям предлагается заключить мировые соглашения. Правда, в случаях, когда заявитель продолжает находиться в заключении, ни о каком «замораживании» жалобы не может быть и речи, и она рассматривается в приоритетном порядке.

Постановления Большой палаты

В 2012 году было вынесено 4 постановления Большой палаты по делам, в которых Россия являлась ответчиком, – довольно редкое явление даже для крупных стран.

Дело *«Константин Маркин против России»* (*Konstantin Markin v. Russia* [G.C.], no. 30078/06; 22.03.2012) – дело, из-за которого было много шума, а Европейский Суд обвинялся в посягательствах на национальный суверенитет, поскольку в Постановлении Палаты от 7 октября 2010 г. Суд не согласился с выводами Конституционного Суда России об оправданности отказа военнослужащему-мужчине в праве на длительный отпуск по уходу за ребенком. В Постановлении Большой палаты снята критика правовых позиций Конституционного Суда, нет требования изменить российское законодательство, есть «лишь» стандартное утверждение, повторяемое в сотнях постановлений по другим странам, что источником нарушения – в данном случае дискриминации по признаку пола и характера профессиональной деятельности – стало «качество закона»: *«Суд считает, что учитывая особые требования воинской службы, может быть оправданным лишать права по уходу за ребенком любого военнослужащего, мужчину или женщину, который в силу таких факторов, как скажем, их положение в служебной иерархии, редкая техническая квалификация или участие в боевых операциях, не может быть заменяемым. В России же право на отпуск по уходу за ребенком полностью за-*

висит от пола военнослужащего» (§ 146). Суд также отметил, что те же функции радиооператора выполняли и сидящие в одном помещении с заявителем женщины-военнослужащие, имеющие право на такой отпуск, и нашел признаки дискриминации, основанные, среди прочего, на «*стереотипах роли полов*», что не может служить объективным оправданием исключения военнослужащих-мужчин из прогрессивной в целом российской системы социальных гарантий. В этом деле Суд пошел по пути широкого («либерального») толкования понятия дискриминации, хотя в работах известных комментаторов прецедентов Суда и в самих прецедентах отмечалось, что не всякое различие в обращении является дискриминационным. В данном деле – а это редчайший случай – Суд нашел признаки дискриминации по половому признаку в отношении мужчины. По этой причине Постановление получило большой международный резонанс.

Дело «*Котов против России*» (*Kotov v. Russia* [G.C.], no. 54522/00, 3.03.2012). Большая палата пересмотрела единогласно принятое 14 января 2010 г. Постановление палаты о нарушении ст. 1 Протокола № 1 «Право собственности» в отношении вкладчика обанкротившегося частного банка в результате недобросовестных, по мнению заявителя, действий назначенного Краснодарским краевым арбитражным судом конкурсного управляющего. Камнем преткновения в этом деле было толкование статуса конкурсного управляющего: либо как назначенного судом чиновника, исполняющего публичные функции, либо как эксперта-частного лица. По этому вопросу Суд, опираясь на прецедент схожего украинского дела (*Katsyuk v. Ukraine*, no.58928/00, 5.04.2005) и проанализировав особенности статуса конкурсного управляющего в России,

пришел к заключению, что в силу своего статуса и своей «оперативной самостоятельности», а также невозможности государства вмешиваться в его деятельность после назначения «*действия конкурсного управляющего не были действиями агента государства*» (§ 107). Кроме того, Большая палата более подробно, чем палата, рассмотрела правовые аспекты банкротства и действий конкурсного управляющего и пришла к выводу, что заявитель не в полной мере воспользовался предоставляемыми национальным законодательством возможностями. Двенадцатью голосами против пяти Большая палата не нашла нарушения обжалуемой ст. 1 Протокола № 1. Этот вывод оспорили пять судей в общем особом мнении, указав на то, что, по их мнению, российское законодательство по банкротству «было окружено неопределенностями», которые фактически препятствовали заявителю отстаивать свои интересы в судах.

Учитывая обострение проблемы банкротств предприятий и банков в условиях кризиса в современной Европе, Постановление по делу *Котова*, несомненно, станет важным прецедентом.

В Постановлении по делу «*Идалов против России*» (*Idalov v. Russia* [G.C.], no. 5826/03, 22.05.2012) Большой палате предстояло решить вопрос, по которому разделилась во мнениях палата и по этой причине уступила свою юрисдикцию Большой палате в соответствии со статьей 30 Конвенции и правила 72 Регламента Суда, а именно: следует ли при рассмотрении жалобы на условия и длительность предварительного заключения рассматривать все периоды содержания под стражей, между которыми был перерыв, в целом как продолжающуюся ситуацию, либо применить более жесткие кри-

терии с точки зрения «правила 6 месяцев» для подачи жалоб. Учитывая, что жалоба была подана 6 февраля 2003 г., Суд пришел к выводу, что только второй период (29 октября 2002–24 ноября 2003 г.) подпадает под его юрисдикцию и нашел соответствующие нарушения ст. 3 (условия содержания в ИЗ-77/2 в г. Москве) и п. 3 ст. 5 (чрезмерная продолжительность предварительного содержания под стражей) наряду с рядом других нарушений ст. 3, 5 и 6.

Это Постановление, принятое единогласно, имеет большое методологическое значение для определения компетенции Суда *ratione temporis*. Самая интересная в этом смысле часть Постановления¹ касается критического анализа Судом собственной практики, противоречий в подходах и необходимости унификации подлежащего применению подхода. Суд фактически вернулся к принципу более строгого применения «правила 6 месяцев» давнего Постановления по делу *Ноймайстера (Neumeister v. Austria, 27 June 1968)* и пришел к выводу: «Европейский Суд согласен с доводом государства-ответчика и приходит к выводу, что правило шести месяцев следует применять отдельно к каждому периоду предварительного содержания под стражей» (§ 135). Эта позиция Суда отныне неукоснительно соблюдается при рассмотрении жалоб как из России, так и других стран.

Дело «*Катан и другие против Молдовы и России*» (*Catan and Others v. Moldova and Russia [G.C.]*, nos. 43370/04, 8252/05 and 18454/06, 19.10.2012). В этом деле Большая палата пошла по скользкому пути известного дела «*Илашку и другие против Молдовы и России*» (2004), возложив ответственность за происходящее в Приднестровье на Россию (в данном деле – конфликт вокруг

молдавских школ в 2004–2006 гг. из-за запрета использовать латинский алфавит вместо отмененной в Молдове в 1990 г. кириллицы).

Приведем лишь два ключевых вывода Большой палаты: «149. Суд отмечает, что нет никаких доказательств прямого участия российских представителей (agents) в действиях, предпринятых против заявителей. Равным образом ничто не указывает на то, что Российская Федерация вмешивалась в языковую политику “ПМР” в целом или одобряла ее. В действительности именно благодаря усилиям российских посредников, действовавших совместно с украинскими посредниками и представителями ОБСЕ, власти “ПМР” разрешили вновь открыть “иностранные частные учебные заведения».

150. Вместе с тем Суд установил, что Россия осуществляла эффективный контроль над “ПМР” во время рассматриваемого периода. Учитывая этот вывод и согласно прецедентной практике Суда, не имеет смысла устанавливать, осуществляла ли Россия конкретно контроль над политикой и действиями подчиненной ей местной администрации <...> В силу факта ее продолжающейся военной, экономической и политической поддержки “ПМР”, которая без этого не могла бы существовать (в тексте “выжить” – А.К.), вытекает ответственность России по Конвенции за посягательство на право заявителей на образование. Таким образом, Суд делает заключение о нарушении статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции Российской Федерацией».

Трудно не согласиться с Министерством юстиции Российской Федерации, которое в своем заявлении по этому делу от 19 октября 2012 г. отметило «продолжающееся применение по отношению к Российской Федерации критериев ответственности, не имеющих четкого нормативного закрепления и не используемых в практике международного судопроизводства» (www.minjust.ru/print/2565). Можно лишь добавить, что практика Суда по установлению экстерриториальной ответственности государств весьма противоречива и требует более четких критериев во избежание «двойных стандартов»².

При всей важности постановлений Большой палаты Европейского Суда основную массу его прецедентов составляют постановления палат, а с июля 2010 г. – и комитетов трех судей. Именно на их фоне просматриваются основные тенденции нарушения прав человека в государствах-участниках Конвенции.

Основные проблемы, поднимаемые в жалобах против России

Как уже отмечалось, в 2012 г. наблюдался ярко выраженный акцент на жалобы против, образно говоря, насильственных действий, нарушающих права личности. Жалобы на неисполнение судебных решений или на несвоевременный вызов в судебное заседание отходят на второй план, а на первый план выступает насилие над личностью со стороны государства в лице его далеко не лучших представителей...

Право на жизнь (статья 2 Конвенции)

Наряду с продолжающимися выносятся постановлениями по убийствам или исчезновению людей в Чеченской Республике и Ингушетии, причем уже и в период после завершения военной фазы конфликта (12 постановлений в 2012 г., см., к примеру, *Akhmadova v. Russia*, no. 25548/07, постановление 24 сентября 2012 г.; *Umayev v. Russia*, no. 47354/07, постановление 12 июня 2012 г.), добавились жалобы из Дагестана (*Shafiyeva v. Russia*, no. 49379/09, постановление 12 июня 2012 г.; *Umarov v. Russia*, no. 2546/08, постановление 12 июня 2012 г.). В полупилотном постановлении по пяти объединенным жалобам (*Aslakhanova and Others v. Russia*, no. 2944/06 ... 42509/10, постановление 18 декабря 2012 г.) Суд с учетом 120 постановлений этой серии указал на неэффективность расследования исчезновения людей на Северном Кавказе как на системную пробле-

му, в которой отражается «неэффективность следственных действий», «неадекватность существующих правовых инструментов», «неясность статуса и прав потерпевших», «отсутствие возможности получения компенсации» и т.д. Суд сделал следующее замечание: *«Суд находит, что ситуация в данном деле должна характеризоваться как результат системных проблем на национальном уровне, для разрешения которых нет эффективных внутренних средств защиты»* (§ 217 Постановления). Как и в пилотном постановлении под делу Ананьева, Суд не стал предписывать государству-ответчику каких-либо мер общего характера, однако высказался по возможным мерам по исправлению ситуации.

Это Постановление, тем не менее, означает, что в своих позициях по исчезновениям людей на Северном Кавказе Суд совершил поворот к более решительному осуждению неэффективности расследования этих фактов, как нарушающей ст. 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте (Суд исходит из предположения, что исчезнувшие родственники заявителей могут считаться погибшими).

Статья 2 в ее процессуальном аспекте громко прозвучала и в деле по жалобе родственников жертв расстрела в Катыни на неэффективность расследования этого события (*Janowiec and Others v. Russia*, nos. 55508/07 и 29520/09; Постановление палаты от 16 апреля 2012 г. передано на повторное рассмотрение Большой палаты). Исследовав все материалы, полученные от сторон по поводу расследования этих событий (следствие по уголовному делу № 159 было прекращено 21 сентября 2004 г.), палата четырьмя голосами против трех пришла к выводу: *«Суд отмечает, что документы, на основании которых было принято решение о расстреле*

польских военнопленных, были обнаружены Федеральным архивным агентством в 1992 году, и что следователи получили свидетельские показания о том, как проходили расстрелы. После 5 мая 1998 года (дата ратификации Конвенции. – А.К.), напротив, не было предоставлено или обнаружено ни одного доказательства, которое по характеру или по сути могло бы привести к повторному возникновению процессуального обязательства провести расследование или поставить новые или более широкие вопросы. Поэтому Суд должен сделать вывод об отсутствии факторов, позволяющих установить связь между далеким прошлым и нынешним периодом после ратификации, и заключить, что не было показано существование особых обстоятельств, которые оправдывали бы связь между гибелью родственников заявителей и ратификацией Конвенции» (§ 140).

Палата заключила: «Необходимо различать решение внутригосударственных органов власти провести расследование, которое, возможно, было принято по политическим, юридическим или этическим соображениям на внутригосударственном уровне, и вытекающее из Конвенции процессуальное обязательство провести расследование, невыполнение которого влечет за собой международную ответственность государства. Контроль со стороны Европейского Суда подлежит только последнее из этих обязательств, а не первое, и нельзя сказать, что в настоящем деле возникло такого рода процессуальное обязательство.

Учитывая изложенные выше соображения, Европейский Суд принимает возражение государства-ответчика относительно отсутствия у Суда юрисдикции *ratione temporis* и приходит к выводу, что он не мо-

жет рассматривать по существу жалобу на нарушение статьи 2 Конвенции» (§§ 141–142)³.

Нарушение ст. 2 найдено в деле о самоубийстве заключенного в колонии ИК-20 (*Shumkova v. Russia*, no. 9296/06, постановление 14.02.2012), по факту которого прокуратура Усть-Кутского района Иркутской области несколько раз упорно отказывала в открытии уголовного дела, несмотря на отмену предыдущих решений областной и генеральной прокуратурой, – упорство, достойное лучшего применения...

Двойное нарушение ст. 2 (позитивное обязательство государства по охране жизни и неэффективность расследования) отмечено в ставшем уже «классическим» деле о наводнении во Владивостоке в 2001 г., когда были затоплены целые кварталы, разрушены дома, создана угроза жизни жителям, которые не были оповещены об экстренном сбросе воды из переполненного от дождей водохранилища и не были эвакуированы из затопленных кварталов (*Kolyadenko e.a.v. Russia*, no. 17423/05, постановление 28 февраля 2012 г., окончено 9 июля 2012 г.).

Сложная задача встала перед Судом в деле Путинцевой (*Putintseva v. Russia*, no. 33498/04, пост. 10.05.2012): при имитации попытки к бегству солдата, находившегося на гауптвахте в одном из гарнизонов Красноярского края, конвоир открыл огонь на поражение, и солдат скончался через две недели (!) от кровоизлияния внутренних органов. Суд нашел нарушение ст. 2 в ее существенном аспекте, отметив, что положения действовавшего в то время Устава караульной и гарнизонной службы давали слишком широкую возможность открывать стрельбу на поражение. В то же время Суд не нашел процессуального нарушения ст. 2, ибо расследование инцидента было проведено

своевременно и достаточно тщательно... гражданской прокуратурой.

Напротив, не было найдено нарушения позитивных обязательств государства, но было найдено процессуальное нарушение в деле о цыганке, погибшей при задержании в псковском УВД (выпрыгнула из окна туалета на третьем этаже) (*Kleyn and Alexandrovich v. Russia*, no. 40657/04, постановление 3 мая 2012 г.).

Не было найдено нарушения ст. 2 в деле заключенного из Якутска (*Shchebetov v. Russia*, no. 21731/02, постановление 10.03.2012), утверждавшего, что он заразился туберкулезом в СИЗО, а СПИДом – в колонии, причем «вина» государства состояла, по его мнению, в том, что ему, как «колющемуся» наркоману, не были предоставлены чистые шприцы. Суд отметил, что якутские суды добросовестно рассматривали все полученные от заявителя жалобы, и что проводились многочисленные проверки и расследования по этим жалобам (установлено, в частности, что заявитель имел в колонии ВИЧ-инфицированного сожителя).

Таким образом, ст. 2 представлена в российских делах во всем многообразии ситуаций, а Россия сохраняет здесь (сомнительное) первенство.

Статья 3 (Запрещение пыток)

Эта статья представлена, в основном, двумя категориями дел – условия содержания в СИЗО (а в 2012 г. появились постановления по условиям содержания и медицинской помощи уже и в колониях) и применение насилия в отношении задержанных и подследственных, по каждой из которых вынесено по два десятка постановлений (с учетом «чеченских» и «экстрадиционных» дел ст. 3 рассматривалась в 57 случаях – половине всех вынесенных в 2012 г. постановлений по России: абсолютный рекорд, тоже сомнительного свойства).

Наряду со ставшими уже, увы, «банальными» делами по условиям содержания настораживает тенденция к ужесточению позиции некоторых судов по досрочному освобождению тяжело больных заключенных.

*Так, приговоренному с 10 годам за убийство в пьяной драке заключенному, имевшему целый букет болезней, включая туберкулез и СПИД, неоднократно отказывалось в досрочном освобождении по состоянию здоровья. В постановлении Ново-троицкого городского суда Оренбургской области отказ мотивировался тем, что заключенный не посещал воспитательных мероприятий и посему «не встал на путь исправления». Повторный отказ был еще более категоричным: «... является носителем инфекционного заболевания, представляя опасность для окружающих, лечение в домашних условиях невозможно, нуждается в лечении под наблюдением врачей». В результате такой «трогательной» заботы заключенный скончался на восьмом (из десяти) году заключения; диагноз – «сердечная недостаточность» (*Koryak v. Russia*, no. 24677/10, постановление 13 ноября 2012 г.).*

В деле Валерия Лопаты (Valeriy Lopata v. Russia, no. 19936/04, постановление 30 октября 2012 г.) полковник медицинской службы, обвинявшийся в убийстве в состоянии аффекта и проходивший серию психиатрических экспертиз, содержался в СИЗО с 24 июля 2003 г. по 12 апреля 2006 г. в условиях чрезвычайной скученности, однако суды не находили оснований для применения иной, чем заключение под стражу, меры пресечения, пока он не был частично оправдан и к нему было применено принудительное лечение (провел затем 2 года в психиатрической больнице).

Примечательно, что вопреки разъяснениям ст. 51 УПК РФ Конституционным Судом, все процессуальные решения и приговор выносились в отсутствие заявителя.

*28 декабря 2008 г. был арестован в Чистополе (Татарстан) по подозрению в убийстве Дирдизов, страдавший болезнью Бехтерева (внесенной в список болезней, несовместимых с пребыванием в заключении), освобожден под залог только в декабре 2010 г., а по последовавшему в марте 2011 г. приговору оправдан по обвинению в убийстве, но определена мера наказания за ношение оружия и кражу (*Dirdizov v. Russia*, no. 41461/10, постановление 13 ноября 2012 г.).*

Творческий подход к толкованию ст. 3 Европейской Конвенции проявила Свердловская областная прокуратура.

Так, признав по итогам проверки несоблюдение санитарных норм в СИЗО Нижнего Тагила ИЗ-66/1 и в исправительном учреждении ИК-5, проводивший проверку отдел по надзору за исполнением наказаний прокуратуры заключил в акте проверки: «Однако эти нарушения являются следствием обстоятельств, не зависящих от администрации данных учреждений. Соответственно, данные условия не могут квалифицироваться как подпадающие под определение пытки, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, даваемого статьей 3 Европейской Конвенции» (обратный перевод с английского. – А.К.).

Европейский Суд все же нашел нарушение ст. 3 по условиям содержания (Kulikov v. Russia, no. 48562/06, постановление 27 ноября 2012 г.). Кстати, о прокуратуре и ее сотрудниках: Суд нашел также нарушение ст. 3 по условиям содержания в том же ИЗ-61/1 Екатеринбург и ИК-13 Нижнего Тагила бывшего следователя прокуратуры Д. Рожина (Dmitriy Rozhin v. Russia, no. 4265/06, постановление 23 октября 2012 г.).

Тревожным сигналом является рост числа жалоб (и, соответственно, принятых по ним постановлений) на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции/полиции.

Избиения начинаются нередко уже в момент задержания (избиение 63-летнего подозреваемого в мошенничестве, переломы ребер и гематома на голове – Grigoryev v. Russia, no. 22663/06, постановление 23 октября 2012 г.) или в изоляторе временного содержания (Kazantsev v. Russia, no. 14880/05, постановление 3 апреля 2012 г.) и продолжают в ходе проведения следствия (Chitakov v. Russia, no. 41794/04, постановление 24 апреля 2012 г., окончено 23 сентября 2012 г.). В деле Валяева (Valyaev v. Russia, no. 22150/04, постановление 14 февраля 2012 г.) подозреваемый в убийстве в 2000 г. был вывезен следователями в лес с мешком на голове, подвергся пыткам до потери сознания, в вызове врача было отказано; только через несколько дней врачи городской больницы Переславля-Залесского зафиксировали переломы, травму головы, синяки, тогда как назна-

ченные прокуратурой медицинские «эксперты» отметили «синяки и ссадины, не угрожающие здоровью». Только через 10 лет районный суд удовлетворил иск и потребовал нового расследования.

У жестоко избитого при задержании Нитцова (Nitsov v. Russia, no. 35389/04, постановление 3 мая 2012 г., окончено 24 сентября 2012 г.) при доставке в ИВС не обнаружили никаких следов избиения, а при обследовании через два дня при доставке в СИЗО – переломы и гематому. Подозреваемого в изнасиловании Салихова (Salikhov v. Russia, no. 23880/05, постановление 3 мая 2012 г.) доставили в РУВД г. Уйска Челябинской области, раздели до гола, водили в таком виде по коридорам, насильно взяли образцы ДНК. В общей сложности задержанный провел в «гостеприимном» РУВД 75 дней, не имея возможности оспорить показания ключевой свидетельницы ни во время предварительного расследования, ни в ходе судебного разбирательства.

В результате роста жалоб этой категории из различных регионов страны Суд пошел по пути групповых коммуникаций этих жалоб властям Российской Федерации. Так, после печально известного инцидента в УВД «Северный» в Казани Суд коммуницировал семь жалоб на действия сотрудников милиции из этого города.

Статья 5 (Право на свободу и личную неприкосновенность)

Дела этой категории не иссякают (около 40 постановлений в 2012 г., в которых «засвечены» различные нарушения ст. 5). Как правило, это жалобы на избрание в качестве меры пресечения содержания под стражей без учета индивидуальных обстоятельств; длительные сроки рассмотрения ходатайств об изменении меры пресечения или обжалований решений нижестоящих судов; длительность самого содержания под стражей.

Так, в деле вице-президента ООО «Авиакомпания «Волга-Авиаэкспресс» И. Стрельца Суд нашел нарушение п. 1 ст. 5 (обоснованность заключения под стражу), п. 3 ст. 5 (длительность предварительного заключения) и п. 4 ст. 5 (сроки рассмотрения ходатайств об изменении

меры пресечения) с учетом предъявленного обвинения, семейного положения (вдовец с двумя малолетними детьми и больная раком мать), отсутствия судимостей. Суд отметил также, что в период с 15 марта 2004 г. по 14 июля 2004 г., т.е. три месяца, заявитель находился в СИЗО без какого-либо процессуального решения (*Strelets v. Russia*, no. 28018/05, постановление 6.11.2012).

Сразу несколько нарушений ст. 5 найдены в ряде дел (*Mukharev v. Russia*, no. 22921/05, постановление 3 апреля 2012 г.; *Sokurenko v. Russia*, no. 33619/04, постановление 10 января 2012 г., окончено 9 июля 2012 г.; *Grishin v. Russia*, no. 14807/08, постановление 24.07.2012).

В ряде дел такого нарушения не установлено (*Shakirov v. Russia*, no. 55822/10, постановление 5 июня 2012 г.; *Khodzhamberdiyev v. Russia*, no. 64809/10, постановление 5 июня 2012 г.). В ряде дел (*Pichugin v. Russia*, no. 38623/03, постановление 23 октября 2012 г.) Суд рассматривал различные периоды предварительного заключения и связанные с ними процедуры и в зависимости от совокупности обстоятельств находил или не находил нарушения различных аспектов ст. 5 (см. также *Sokurenko v. Russia*, no. 33619/04, постановление 10 января 2012 г.; *Arutyunyan v. Russia*, no. 48977/09, постановление 10 января 2012 г.; *Suslov v. Russia*, no. 2366/07, постановление 29 мая 2012 г.; *Kozhayaev v. Russia*, no. 60045/10, постановление 5 июня 2012 г.; *Ryatkov v. Russia*, no. 61767/08, постановление 13 ноября 2012 г.; *Koroleva v. Russia*, no. 1600/09, постановление 13 ноября 2012 г.).

Рассматривая одно из последних дел 2012 г. по жалобе обвиняемого в мошенничестве петербургского предпринимателя (*Sopin v. Russia*, no. 57319/10, постановление 18 декабря 2012 г.), дело которого было передано московским следователям, Суд не нашел нарушения п. 3 ст. 5 по той причине, что Куйбышевский райсуд г. Петербурга, а затем Басманный суд г. Москвы каждый раз детально анализировали сопутствующие обстоятельства. Так, Куйбышевский суд отмечал среди прочих обстоятельств

«широкие коррупционные связи подозреваемого с представителями государственных и правоохранительных органов Петербурга, Москвы и других городов», а в мае 2010 г. указал, что в силу предъявленных ему обвинений по ч. 4 ст. 159 УК РФ совершенные им деяния не являются экономическими преступлениями, что Сопин входит в организованную преступную группу и т.д. (в Постановлении даются иностранные выдержки из постановлений петербургского и московского судов).

Суд заключил: «В данном деле национальные суды приводили специфические факты в поддержку их заключений о том, что заявитель может вмешаться в ход следствия. Они также рассмотрели возможность применения иных мер пресечения, но нашли их неадекватными» (§ 45). Суд заключил, что «специфические обстоятельства данного дела, так, как они изложены в решениях национальных судов, включая личность заявителя и характер предъявляемых ему обвинений, оправдывали его заключение под стражу. Таким образом, заключение заявителя имело под собой «обоснованные подозрения» и имело «достаточные основания» (§ 46). Только по завершении активной стадии следственных действий и учитывая истечение максимального (18 мес.) срока предварительного заключения и ухудшение состояния здоровья, Сопин был освобожден под подписку о невыезде, что также отметил Суд.

Можно с полным основанием утверждать, что данным постановлением Европейский Суд послал национальным судам своеобразный сигнал: там, где суды озаботились тщательным изучением специфических обстоятельств, оправдывающих заключение подозреваемого под стражу, Суд в полном соответствии с принципом субсидиарности признает за местными судами право на собственную оценку этих обстоятельств. В тех же случаях, когда суды применяют шаблонные формулировки без учета конкретных обстоятельств, как в деле И. Стрельца, Суд не идет ни на какие компромиссы. Не случайно Страсбургский суд упоминает в таких случаях относящиеся к проблеме постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федера-

ции 2004 г. и 2009 г. о практике применения судами мер пресечения.

К названному комплексу проблем примыкает проблема процессуальных прав лиц, задержанных с целью их дальнейшей экстрадиции (п. 1 и 2 ст. 5). Напомним, что Конституционный Суд Российской Федерации в нескольких постановлениях отмечал, что на иностранцев, задержанных с целью высылки или экстрадиции, распространяются те же процессуальные права, что и на граждан России, а Постановление Пленума Верховного Суда России от 14 июня 2012 г. «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» указало на типичные процессуальные нарушения при принятии судами решений о высылке или экстрадиции. Кстати, в последних постановлениях на эту тему (а их было более десяти в 2012 г.), например, в деле Ниязова (*Niyazov v. Russia*, no. 27843/11, постановление 16 октября 2012 г.), Суд, ссылаясь на Постановление Пленума Верховного Суда России от 14 июля 2012 г., напомнил, что мера пресечения избирается исключительно судами.

Сложнее (а точнее – трагичнее) предстает картина похищения в России лиц, в отношении которых поступило требование об экстрадиции. Под «охраной» правила 39 Регламента Суда («неотложные меры») находятся несколько десятков граждан ближнего зарубежья, в отношении которых имеются серьезные основания предполагать, что в случае экстрадиции они будут подвергнуты преследованиям по политическим или религиозным основаниям.

Вслед за нашумевшим делом Искандарова (Iskandarov v. Russia, no. 17185/05, постановление 23 сентября 2010 г.), которого выкрали в режимном городе Королеве, в 2011 г. было отмечено несколько случаев

загадочных исчезновений (М. Абдулхаков, С. Козиев, С. Джураев).

В последнем деле из этой «детективной» серии 23 августа 2011 г. в центре Москвы вместе с двумя гражданами Таджикистана «по ошибке» похищен обвиненный в принадлежности к ваххабитам гражданин Узбекистана Абдулхаков (Abdulkhakov v. Russia, no. 14743/11, постановление 2 октября 2012 г.), доставленный без всяких формальностей в Таджикистан, где через три месяца был освобожден как «отбывший наказание». Отказ в возбуждении уголовного дела по факту похищения отменен 26 марта 2012 г. Замосковрежским отделом Следственного Комитета и начато расследование этого инцидента.

Казалось бы, на этом инциденте можно было бы поставить точку. Однако 29 марта 2012 г. после выхода из Зеленоградского СИЗО Низомхон Джураев, в отношении которого Суд применил правило 39, внезапно «исчез» и предстал 7 апреля 2012 г. на таджикском телевидении с заявлением о «добровольной» сдаче таджикским властям.

В декабре 2012 г. Городищенский межрайонный следственный отдел Следственного управления Следственного комитета России по Волгоградской области возбудил уголовное дело по факту похищения гражданина Таджикистана Абдулвосита Лулуева, в отношении которого Суд тоже применял правило 39, и который «исчез» 20 октября 2012 г.

Похоже, что проблема не только неукоснительного соблюдения предписаний правила 39, но и особых мер властей по защите подпадающих под это правило заявителей становится системной проблемой ввиду участившихся случаев подобных «исчезновений». Остается напомнить, что ст. 1 Конвенции (Обязательство соблюдать права человека) обязывает государства обеспечивать каждому находящемуся под их юрисдикцией права и свободы, определенные Конвенцией.

Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство

На фоне этих вставших в полный рост системных проблем эпизодическими предстают проблемы невызова сторон в судебное заседание (*Proshkin v. Russia*, no. 28869/03, постановление 7 февраля 2012 г., окон-

чено 9 июля 2012 г.; *Kolegovy v. Russia*, no. 15226/05, постановление 1 марта 2012 г.; *Borisov v. Russia*, no. 12543/09, постановление 13 марта 2012 г.; *Mikryukov e.a.v. Russia*, no. 34841/06, постановление 31 июля 2012 г. и др.), недостаточная мотивированность проведения закрытых судебных заседаний (*Khrabrova v. Russia*, no. 18498/04, постановление 2.10.2012; *Pichugin v. Russia*, no. 38623/03, постановление 23.10.2012). Однако по-прежнему идут жалобы на невызов ключевых свидетелей (*Damir Sibgatullin v. Russia*, no. 1413/05, постановление 24.04.2012), выносятся приговоры исключительно на основании доказательств, полученных в ходе контрольной закупки наркотиков (см. Постановление «*Veselov and Others v. Russia*», no. 23200/10 ... 556/10, Постановление от 2 октября 2012 г., в котором Суд уже «нацелился» на системную проблему), имеют место отказы в удовлетворении ходатайств защиты.

Уместно в связи с этим процитировать высказывание (возможно, резкое – наболело!) вице-президента Федеральной палаты адвокатов Юрия Пилипенко: «Состязательность в уголовном производстве в Российской Федерации умерла, не приходя в сознание... более 90% ходатайств защиты не удовлетворяется»⁴.

Участились жалобы по поводу невозможности отбывающих наказание заключенных участвовать в процессах по своим гражданским искам (*Karpenko v. Russia*, no. 5605/04, постановление 13 марта 2012 г., окончено 24 сентября 2012 г.; *Bortkevich v. Russia*, no. 27359/05, постановление 2 октября 2012 г.). Время от времени дает о себе знать и давняя проблема обеспечения процессуальных гарантий в ходе проведения «телеконференций» (*Slashchev v. Russia*, no. 24996/05, постановление 31 января 2012 г. – нарушение п. 1 и подп.

(с) п. 3 ст. 6; *Gennadiy Medvedev v. Russia*, no. 34184/03, постановление 24 апреля 2012 г., окончено 24 сентября 2012 г. – отсутствие нарушения).

Как всегда, не обошлось без казусов.

Так, в 2007 г. в Суд обратились 53 учителя школы-интерната для сирот г. Великие Луки Псковской области с жалобой на неисполнение приказа мирового судьи выплатить так называемую «книжную компенсацию». Часть заявителей сняли свои жалобы в связи с исполнением, хоть и с задержкой, судебного решения. Оставшиеся 17 заявителей сообщили Суду, что их вызывали для выяснения обстоятельств жалобы в городскую прокуратуру, где им вежливо разъяснили, что они «вправе не свидетельствовать против себя» (!), как будто они обвинялись в совершении какого-либо преступления... Суд нашел в отношении этих заявителей нарушение ст. 34 (Индивидуальные жалобы) и присудил каждому из 17 по 500 евро за моральный ущерб (см. *Koshcheva e.a.v. Russia*, no. 9046/07, постановление 17 января 2012 г.).

В деле Прошкина (*Proshkin v. Russia*, no. 28869/03, постановление 7.02.2012, окончено 9 июля 2012 г.) жертва ДТП был недоволен тем, что виновный освобожден по амнистии от ответственности и уплаты компенсации за ущерб, и высказывал в агрессивной форме угрозы самому совершить правосудие, и был в конце концов приговорен к 7 годам лишения свободы, но освобожден от отбывания наказания в связи с проведением серии психологических экспертиз (диагноз: психопатический синдром, шизофрения). Индустриальный райсуд г. Перми заготовил 2 постановления: одно о направлении в психиатрическую больницу, другое – в СИЗО № 1 г. Перми. Копии обоих постановлений представлены Суду: в обоих стоят подписи и печать суда... Сам заявитель на судебное заседание не вызывался (нарушение ст. 6). Заявитель с диагнозом психически больного был в конце концов направлен в СИЗО, где провел 7 месяцев. Он оставался несколько месяцев в СИЗО и после того, как суд снял с него уголовную ответственность, признав его умственно нездоровым, а потом и недееспособным, ибо в психиатрическую больницу Калининграда он не мог попасть из-за отсутствия транзитной визы, а больница Казани отказывалась его принимать из-за отсутствия паспорта.

Мытарства заявителя никак не были оценены Судом с точки зрения компенсации морального ущерба за нарушение п. 1 и 4 ст. 5, п. 1 и подп. «с» п. 3 ст. 6, поскольку представлявший его адвокат из г. Екатеринбурга «забыла» сформулировать требование как компенсации за моральный ущерб, так и компенсации судебных издержек (т.е. собственных услуг) – типичная небрежность российских адвокатов.

* * *

Как видно из представленного анализа за 2012 г., год 10-летия первого постановления ЕСПЧ по жалобе из России был годом концентрированного отражения назревших проблем защиты прав человека, прежде всего «абсолютных прав». Именно в этом году Европейский Суд, следуя рекомендациям межправительственных конференций в Интерлакене, Измире и Брайтоне, сделал очевидный разворот к системным проблемам. Эта тенденция, несомненно, будет сохранена и в ближайшее время.

¹ Русский перевод опубликован в журнале «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека». 2012. № 8.

² См. статью зам. председателя Суда Г. Раймонди «Европейский Суд по правам человека и проблема юрисдикции государств вне границ своей территории» // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2012. № 7.

³ Русский перевод Постановления см.: Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

⁴ Интервью вице-президента Федеральной палаты адвокатов Юрия Пилипенко 31 декабря 2012 г. // Pravo.ru.

Контактная информация: bextina@mail.ru

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека (Европейский Суд); Европейская Конвенция; Россия; системные проблемы; пилотные постановления; абсолютные права; право на справедливое судебное разбирательство.

Вступление в силу Протокола 14 к Европейской Конвенции дало первые результаты: снизилось как число нерассмотренных Европейским Судом жалоб, так и соответствующие показатели по жалобам из России. Вместе с тем Суд сделал очевидный разворот к так называемым системным проблемам и начал принимать по ним так называемые пилотные постановления, в которых государства-ответчики, включая Россию, призываются принять меры общего характера по устранению повторяющихся нарушений прав граждан. В статье дается анализ характерных для жалоб из России системных проблем защиты прав человека.

A.I. Kovler

Judge of the European Court of Human Rights (1999–2012), Doctor of Law, Professor

Russia in European Court: 2012 – Year of “Big Change”

Coming into effect of the Protocol № 14 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms gave the first results: number of complaints unexamined by the European Court has reduced as well as corresponding indicators on complaints from Russia. At the same time, the Court made an obvious turn to the so-called system problems and began to take on them the so-called pilot judgments, in which the states -responders, including Russia, are called to take the measures of general nature for the elimination of repetitive violation of the rights of citizens. Article deals with analysis of system problems of the protection of human rights characteristic for the complaints from Russia.

Key words: European Court of Human Rights (European Court); European Convention; Russia; system problems; pilot judgments; absolute rights; right to fair trial.

